
ПОИСК ГЕОГРАФИИ И ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ МИФОРИТУАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ ЖЕЛЕЗА У НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Николай Тупчиенко

Ключевые слова: древний металл, медь, бронза, железо, символика, технологии, знания, миф, ритуал.

Значительная длительность процесса формирования мифоритуальной символики железа и железных изделий в традиционной культуре восточнославянских народов, начало которой теряется на заре знакомства человека с самородными металлами в глубине тысячелетий, обуславливает необходимость провести анализ результатов археологического изучения древностей палеометалла на территории современной Украины с точки зрения целесообразности их использования в этнологических исследованиях поиска путей формирования этой символики.

Поэтому целью данной работы выступает попытка на основании историографического анализа археологической литературы, посвященной вопросам исследования древней и средневековой металлургии в Северном Причерноморье, обобщить их результаты, выявить географию и пути распространения металлургических знаний, определить механизмы их распространения, а также определить некоторые методологические подходы к изучению символики палеометалла в археологических исследованиях.

подавляющее большинство археологов, которые занимаются проблематикой палеометалла, обходят вопрос его символики. Предметом их научных исследований, как правило, выступают: локализация мест горных разработок, древние технологии производства, химический состав металла, пути распространения технологий и самого металла. Но результаты археологических исследований в области палеометалла могут быть использованы и при решении задач, поставленных в данной работе, особенно это касается этнокультурных

связей в области распространения как металлодобывающих технологий, так и самого металла. При этом стоит принять во внимание труды, касающиеся не только археологии черной металлургии, но и металлургии в целом, поскольку, с одной стороны, это позволяет выявить закономерности и тенденции в распространении знаний, связанных с металлообработкой и горным делом дописьменного периода, а с другой стороны, железо, сначала метеоритное и самородное, а позже и сварное использовалось одновременно с цветными металлами на протяжении всего времени знакомства человечества с металлами.

Первый свод металлических изделий и литейных форм для их изготовления, открытых на территории Восточной Европы, создал финский археолог А. Тальгрэн, который среди вещей Козоревского и Щетковского кладов отметил происходящие из Николалаевской и Кировоградской областей изделия эгейского и балканского происхождения (Ключко 1990). В это же время В.А. Городцов положил начало попыткам этнокультурной атрибуции и датированию случайных находок металлических изделий бронзового века, связав ряд находок бронзовых изделий из Северного Причерноморья с киммерийцами (Городцов 1928, 46-60). А.А. Иессен в ряде своих работ на примере металлических изделий рассмотрел вопрос о связях в эпоху бронзы Северного Причерноморья с Кавказом, Балканами и Малой Азией. Он ввел в научный оборот понятие «северопричерноморского очага металлообработки», объединив местные металлические изделия позднего бронзового века, а также высказав ошибочные тезисы об отсутствии местных источников сырья и о преимущественно импортном характере находок металлических изделий, что на длительное время определило направление исследований

древней металлургии Украины, в частности в трудах Н.В. Рындиной и Е.Н. Черных (Иессен 1947, 22-45; Иессен 1935, 95).

Так, Е.Н. Черных в своих работах, посвященных районированию провинций древней металлургии, определил наличие гигантской Циркумпотийской металлургической провинции (ЦМП) раннего (РБВ) и среднего (СБВ) бронзового века, которая по существу являлась центральной системой для всего Старого мира с середины IV по начало II тыс. до н.э. В пределах этой провинции южная половина Восточной Европы, т.е. Северное Причерноморье, образовывала ее северную периферию. При этом автор придерживался концепции А.А. Иессена, о преимущественно металлообрабатывающем характере степных культур энеолита-бронзы Украины. Даже в обобщающих работах последних десятилетий восточноевропейские степи рассматриваются исследователем как «безрудная» северная зона культур скотоводов, которые потребляли металл в виде готовых изделий или слитков, поступавших из южной «металлоносной» зоны земледельческих культур (Кавказа, Балкан, Малой Азии), и которые представляли средиземноморско-ближневосточные металлургические традиции. Выделенный им раннетрипольский очаг металлообработки рассматривается в качестве крайнего восточного в системе Балкано-Карпатской металлургической провинции энеолита, которая сформировалась под воздействием исходного импульса из Малой Азии. По мнению исследователя, металл степных древностей энеолита практически во всех случаях идентичен раннетрипольскому, что указывает на зависимость степного населения от металлоснабжения трипольцами (Черных 1978а, 58-59). Во время ранней и средней бронзы в степной части Восточной Европы среди курганных культур Е.Н. Черных выделяет несколько очагов металлургии, которые продолжают заниматься преимущественно обработкой металла, поступавшего из Кавказа и Малой Азии в виде слитков и готовых изделий. На основании статистических данных учёта находок металла в Циркумпотийской металлургической провинции Е. Н. Черных приходит к выводу, что в период РБВ (третья четверть IV - середина III тыс. до н.э.) около 45% всей выплавленной на юге меди переправлялось за тысячи кило-

метров на север, «курганским народам», тогда как в эпоху СБВ (середина III тыс. - 18-17 в.в. до н.э.) эта часть возрастает до 60%, то есть в безрудную Восточную Европу шла преобладающая часть выплавленного на юге металла, среди которого преобладали изделия, имевшие символическую функцию (Черных 1991, 165). Исследователь считает, что вместе с металлом из южных металлоносных зон на территорию Северного Причерноморья проникали и связанные с ним идеи, к которым с полным правом можно отнести и символические значения металлов. Но Е.Н. Черных полностью не отбрасывает возможность незначительных разработок местных (Донецких) месторождений руд, которые не имели значительного веса в снабжении металлом региона (Черных 1966; Черных 1976; Черных 1978а; Черных 1978б).

Взгляды Н. В. Рындиной в определенной мере совпадают с идеями А.А. Иессена и Е.Н. Черных. На основании результатов металлографического и спектрального анализов металла, который связывается с памятниками трипольской культуры и культур шнуровой керамики, исследовательница приходит к выводу, что знакомство с самородным металлом, к которому принадлежат и железные метеориты, состоялось еще в эпоху мезолита, но появление металлических изделий на территории Украины, как из самородного, так и из выплавленного из руды металла, относится к энеолиту (пер. пол. IV тыс. до н.э.) и связана с населением трипольской культуры этапов А и В.

Доминирование холоднойковки в начале эры палеометалла, считает исследовательница, свидетельствует о применении техники изготовления каменной индустрии также к металлу. По мнению Н. В. Рындиной трипольские металлурги работали с привозным металлом из Балкан, поскольку не имели собственной сырьевой базы. При этом исследовательница утверждает, что трипольские металлурги изготавливали практически весь ассортимент металлических изделий сами, а не импортировали их в готовом виде. По мнению исследовательницы балкано-карпатские влияния имели место и в более поздний период средней бронзы среди металлургов культур шнуровой керамики, но также начинают использоваться и местные месторождения медных руд (следы

разработок одного из них выявлены около с. Большой Минск в Ровенской обл.), что означало зарождение местного горного дела (Рындина 1971; Рындина 1980; Рындина 1998).

Работы С.С. Березанской, А.Л. Нечитайло и других исследователей показали, что влияние Кавказа, Балкан да и в целом ближневосточно-средиземноморской традиции в сфере распространения металлообработки и металлургии в Северном Причерноморье не ограничивались лишь проникновением металла и изделий из него в результате торгово-обменных процессов, но и свидетельствует о присутствии самих металлургов из указанных регионов, которые непосредственно приносили с собой не только технологии производства, но и совокупность соответствующей специальной терминологии, религиозных идей и символов, связанных с металлом и металлургией. Особенно это касается кавказских металлургов во время распространения катакомбной культуры в Украине (Нечитайло 1992, 22-29; Нечитайло 1978, 16-26; Березанская 1980, 248-256; Черных 1987, 98-108; Сайко 1981, 78).

Л.С. Клейн при изучении донецкой культуры катакомбной культурно-исторической области предположил, что эта культура в целом является результатом взаимодействия разных культурных влияний, среди которых основное место могут занимать южные ближневосточные и восточно-средиземноморские (Клейн 1962, 74-87).

С.Ж. Пустовалов пошел еще дальше. Отмечая наличие у населения ингульской культуры целостной развитой религиозной системы, которая имеет параллели на Древнем Востоке, он считает маловероятным ее возникновение лишь в результате культурных влияний и заимствований. В противном случае, без носителей этих представлений имело бы место овладения местным населением одной или двумя чертами, а не наличие системы взглядов и представлений, которые базируются на культуре предков. Поэтому, считает исследователь, нужно отдать предпочтение южной гипотезе происхождения ингульской культуры, а среди ее этнических компонентов важнейшее место – этносу ближневосточного происхождения, который мигрировал в Северное Причерноморье из достаточно широкой территории

между Нилом на востоке и Тигром, и Евфратом на западе (Пустовалов 1993, 30-31).

Утверждение археологов об участии в формировании катакомбной культурно-исторической области непосредственно представителей этносов Кавказа и Ближнего Востока ставит вопрос о влиянии последних не только на становление технологии металлообработки у населения Северного Причерноморья, но и привнесение ими соответствующей терминологии и системы религиозных верований и обрядов связанных с металлом и его производством, которые не прослеживаются археологически.

Металлообработке населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы посвящена обобщающая статья А.М. Лескова «О северо-причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы» (Лесков 1967), в которой он отметил, что в период существования здесь племен срубной культуры, начиная с середины II тыс. до н.э. и до конца бронзового века, четко прослеживается прогрессивное развитие форм металлических изделий, которые составляли важную часть культурного комплекса раннесрубных племен. При этом, на разных этапах развития племен срубной культуры их металлообработка была связана с разными внешними базами сырья, при отсутствии собственной. Последнее накладывало соответствующий отпечаток на формы и типы изделий. Ни отсутствие своего сырья, ни значительное расстояние, которое отделяло срубные племена причерноморских степей от центра срубной культуры в Поволжье, ни время развития на новом месте не смогли, как считает исследователь, побороть культурно-этническую общность срубных племён. Последняя выразилась в общности форм и орнаментирования металлических изделий в сходстве путей развития металлообработки в Поволжье и Причерноморье. На основании этого он возражает касательно отсутствия генетической связи сабашиновской и белозерской культур со срубной, их существования как самостоятельных культур. Автор также считает, что познесрубные племена (сабашиновского и белозерского этапов) были тесно связаны с белогрудовскими и раннечернолесскими племенами лесостепи и оказали значительное влияние на формирование культурного комплекса

последних, что не могло не отобразиться и на металлообработке. Для нас интересным является вывод исследователя о возобновлении кавказского влияния в металлообработке на степные племена белозерского этапа, который фактически прекратился в сабашиновское время, уступив место влияниям Балкано-Карпатской провинции. Возобновление связей с Кавказом при этом объясняется малоазийскими походами киммерийцев, которые имели место не только в VIII в. до н.э., что нашло отражение в восточных письменных источниках, но и значительно раньше. Киммерийцы, по мнению А. Лескова, полностью соответствуют белозерскому этапу срубной культуры.

Исследование последних двух десятилетий на территории Украины откорректировало выводы о безрудности древней металлообработки в степной части Украины периода средней и поздней бронзы, что нашло отражение в третьем разделе коллективной монографии «Ремесло эпохи энеолита - бронзы на Украине» (Березанская и др. 1994, 99-132). В отличие от предыдущих исследователей автор раздела В.И. Клочко, исходя из данных геологов о металлогении Украины, утверждает, что по богатству медными рудами, равно как и рудами металлов, которые использовались в древности во время получения искусственных сплавов, – мышьяка и олова, территория Украины не уступает древней Анатолии, и существенным отличием между ними является лишь практическое отсутствие целенаправленных исследований древних разработок в Украине. О богатстве Северного Причерноморья рудами отмеченных металлов, в частности мышьяка, знали также античные авторы. В то же время, считает В.И. Клочко, в соответствии с нынешними представлениями, металлургические знания во время энеолита появились на территории нынешней Украины в готовом, относительно развитом виде, вместе с переселением на эту территорию части балканского населения, которое создало трипольскую культуру, и которое продолжало поддерживать связи с Балканами относительно металлообработки. Открытие в Приднестровье залежей руд богатых медью позволяет автору выразить предположение о возможности их разработок трипольским населением, но основным поставщиком металла были Балканы,

откуда через посредничество трипольского населения металл попадал и в степную часть Северного Причерноморья.

В период ранней бронзы на территории Украины четко прослеживаются «сферы влияния» двух больших горно-металлургических областей этого времени – Кавказского и Балкано-Карпатского. Позднетрипольское население продолжало много традиций энеолитической металлообработки, но и вводило инновации, заимствуя их с Балкан. Степные же металлурги, развивая кавказские традиции, налаживают собственное производство металла и изделий из него. Если до недавнего времени кавказская металлургия рассматривалась лишь как экспорт готовых изделий из Кавказа в степь и дальше на север в лесостепь, то последние исследования позволяют автору утверждать, что ведущую роль в распространении приемов металлургии и металлообработки раннего бронзового века на территории Украины играли не импорты готовых изделий, а распространение профессиональных знаний, скорее всего, путешествующими группами профессиональных металлургов и кузнецов.

В эпоху средней бронзы наблюдается продолжение доминирующего влияния выше-названных двух металлургических традиций: кавказской и европейской (балканской). Катакомбные, а потом и племена культуры многоваликовой керамики продолжали развивать кавказскую металлургическую традицию, тогда как племена культур шнуровой керамики на раннем этапе изготавливали изделия, характерные для общеевропейского «шнурового» горизонта, пользуясь преимущественно технологией балканских металлургических традиций, рядом с которыми возникали и локальные местные особенности. Постепенно металлургия шнуровых культур приобретала все более яркие локальные особенности, которые в конечном итоге, переросли в качественно новую, оригинальную технологическую традицию, что определило основные особенности металлургии позднего бронзового века в Украине.

В позднем бронзовом веке исчезает влияние кавказских металлургических традиций и преобладающими становятся местные локальные металлургические традиции, сфор-

мировавшиеся на базе культур шнуровой керамики. Металлургия племен западных областей Украины ощущала на себе существенное влияние карпатских металлургических традиций, на остальных же территориях возникли и развивались такие местные традиции, такие как сабашиновская (красномяцкая), восточнотшинецкая (кардашинская), лобойковская (сосницкая). В конце позднего бронзового века красномяцкий очаг практически прекратил свою деятельность на территории современной Украине, сохранившись в измененном виде на территории Румынии, тогда как остальные два продолжали функционировать и на белозерском этапе. В работе В.И. Ключко правомерно ставится вопрос о достаточно раннем использовании местных месторождений металлоносных руд на протяжении энеолита-бронзы, что способствовало формированию полного цикла технологии металлургии и металлообработки в Северном Причерноморье, включая горное дело, хотя импульсы инноваций в области металлургических знаний были связаны с внешними влияниями и заимствованиями из двух соседних областей (Кавказа и Балкан) Циркумпонтийской металлургической провинции, которые, в свою очередь, были генетически связаны с Малой Азией.

Достижения в области горной археологии стали предметом обсуждений I-го и II-го международного Картамышского полевого археологического семинара. В докладах С.И. Татарина, Л.А. Черных, В.В. Отрощенко, Ю.М. Бровендера и других выступавших обосновывается мысль о функционировании медных рудников в пределах Донецкого и Ингуло-Красномяцкого очагов металлургии периода средней и поздней бронзы, которая не исключает использование этих рудников и в более раннее время, по крайней мере, со времени энеолита. При этом в пределах очагов металлообработки наблюдается превышающая в 2,5 раза концентрация металлических изделий, по сравнению с остальной частью территории степи, а также наблюдаются изменения в социальной структуре местного населения, в частности, на прилегающих к рудникам территориях концентрируются захоронения металлургов, а по периметру территорий со следами древних рудоразработок наблюдает-

ся концентрация памятников, которые напоминают охрану отмеченных территорий определенной этнической или другой социальной группой. Местное сырьё давало возможность изготавливать даже такие металлосодержащие изделия, как клёпаные казаны и подобные вещи (Отрощенко, Тупчиенко 2003, 116-124; Татарин 2003, 196-2005; Черных 2003, 213-222; Бровендер 2003, 22-35). Все это противоречит тезису Е.Н. Черныха о незначительной роли рудоразработок Северного Причерноморья в металлообеспечении местного населения, а следовательно, может подтверждать зарождение собственных металодобывающих традиций в Северном Причерноморье эпохи средней и поздней бронзы. Более того, исследования С.С. Березанской и С.И. Татарина показали наличие прямой связи между местной технологией медеплавления и металлургией железа, как ее преемницей, в степной и лесостепной части Украины эпохи поздней бронзы, что отразилось на бифункциональности металлургических мастерских (Татарин 1980; Татарин 2002, Татарин 2003). Масштабы горных работ в бассейне Северского Донца в эпоху поздней бронзы свидетельствуют о наличии достаточно сложной технологической базы и производственной системы по добыче меди, так же как и первичной обработки руды, что позволяет допускать возможность транспортировки обогащенной руды на отдаленные территории, богатые лесом (древесным углем), и приближения к численным потребителям медных изделий (Бровендер, Гайко, Шубин 2003, 39; Молодин, Прякин 2003, 113).

Несмотря на это, местное рудоснабжение поздней бронзы не могло удовлетворить растущие потребности населения срубной культуры в меди, что оставляло Северное Причерноморье импортозависимым от традиционных поставщиков металла с юга. Поэтому и в эпоху поздней бронзы не исчезает фактор влияния ближневосточно-средиземноморской традиции в сфере металлургии, шедшего, в частности, через Северный Кавказ, тем более, что Донецкий горно-металлургический центр средней и поздней бронзы (в дальнейшем ДГМЦ) находился в непосредственной близости от последнего и испытывал влияние более развитого соседа.

В течении эпохи средней и поздней бронзы на территорию Северного Причерноморья продолжает поступать металл кавказского и балканского происхождения, тогда как металл хронологически и культурно близких восточных месторождений Каргалы, по утверждению Е.Н. Черныха, В.И. Молодина и А.Д. Пряхина, здесь отсутствует вообще (Черных 2002, 85; Молодин, Пряхин 2003, 114). Исследователи отмечают значительное разнообразие импортов из Средиземноморья, к которым принадлежит наступательное и защитное бронзовое оружие (кинжалы, двулезвийные топоры, наконечники копий, острия стрел) и сельскохозяйственные орудия (серпы), украшения (булавки «кипрского типа») (Клочко 1990, 10-17), а также кухонная принадлежность (клёпаные казаны, аналогии которым имеются среди материалов, связанных с шахтными гробницами Микен (Отрощенко, Тупчиенко 2003, 118; Наго 1930). Интересно, что два клада бронзовых изделий с вещами средиземноморского типа – Козоровский и Щетковский свидетельствуют о местном изготовлении изделий по средиземноморским образцам (Клочко 1990, 11). По поводу распространения на территории Англии, Балкан и Северного Причерноморья двулезвийных топоров эгейских типов, английский исследователь А. Хардинг допускает, что они отмечают следы деятельности торгово-ремесленных колоний крито-микенского общества и, прежде всего, мастеров-литейщиков (Клочко 1990, 11).

Таким образом, исследования археологов, которые изучают начало становления эпохи палеометалла в Восточной Европе, имеют большое значение в контексте поставленных нами задач, поскольку позволяют оценить роль массивов населения лесостепи и степи в цивилизационных процессах древнего мира с точки зрения характеристики металлопроизводства в пределах больших культурно-исторических регионов. Для археологии Северного Причерноморья актуальным является выход на новую парадигму осмысления эпохи бронзы с позиций постпервобытности, зарождения цивилизационных процессов в пределах северной периферии средиземноморско-ближневосточных цивилизаций с непосредственным привлечением самих носителей этих цивилизационных традиций, в частности, и в сфе-

ре металлопроизводства и аспектов духовной культуры, связанной с ним. Тем более, что в течении эпохи бронзы в отмеченном цивилизационном регионе также происходит становление металлургии железа.

В то же время В.И. Молодин и А.Д. Пряхин отмечают, что с концом срубной культурно-исторической общности завершается функционирование ДГМЦ и других производственных зон в Восточной Европе (Молодин, Пряхин 2003, 114), что вызывало реанимацию каменной индустрии на границе эпохи бронзы и раннего железа, в результате чего длительное время сосуществовали каменные, биметаллические и железные орудия, оружие и украшения, хотя стоит отметить, что в течении всей эпохи бронзы каменная индустрия так и не была вытеснена медью и ее сплавами.

Исследованием становления черной металлургии в Восточной Европе в эпоху раннего железного века занимались украинские археологи А.И. Тереножкин, Б.М. Граков, Б.А. Шрамко, В.І. Бидзиля, С.В. Паньков и ряд других исследователей. К сожалению, и в этом случае археологи не занимались вопросом символики древнего железа. Относительно путей возникновения и распространения черной металлургии в Северном Причерноморье выделяются две противоположных позиции.

Первую представляют публикации исследователя раннего железного века Украины А.И. Тереножкина. Он не занимался специально данной проблемой, но исследуя общекультурные процессы в предскифский период, которые нашли свое отражение в памятниках археологии, придерживался мысли о решающей роли в этом процессе первых кочевников Северного Причерноморья – ираноязычных киммерийцев, которые были главным фактором истории и культурных процессов на границе бронзового и раннего железного веков, потому что раньше других народов этого периода попали в круг непосредственных контактов с ведущими цивилизациями Восточного Средиземноморья. А. И. Тереножкин считал, что именно киммерийцы первыми с широкой производственной целью овладели приемами выплавки железа и были производителями совершенного железного вооружения, которое заимствовали и которым подражали окружающие племена (Тереножкин 1976, 20).

Таким образом, утверждение в Северном Причерноморье производства железа признается следствием прямых влияний железоделательных традиций Средиземноморских цивилизаций, которые были продолжением процессов распространения металлопроизводства, возникших еще в эпоху бронзы. Последнее закономерно касается и соответствующей идеологической части, включая символику нового металла.

Противоположной точки зрения придерживаются исследователи археологии черной металлургии в Восточной Европе Б.О. Шрамко, В.И. Бидзиля, С.В. Паньков и ряд других археологов (Граков 1954; Шрамко 1965; Шрамко, Фомин, Солнцев 1977; Паньков 1985; 1986; 1991; 1994). Взгляды этой группы археологов полнее всего отражены в трудах С.В. Панькова, который пытается дать концептуальную картину развития черной металлургии в Восточной Европе от I тыс. до н.э. вплоть до древнерусского времени. Отрицание возможности приоритета киммерийцев в освоении ими железодобычи сводятся к следующим положениям: опыт изучения памятников древнего железопроизводства убеждает в том, что металлургия развивалась прежде всего в среде племен со сравнительно оседлым характером хозяйства; самые древние остатки железодобычи зафиксированы в лесостепной области еще в раннесрубный период (Воронеж); железодобыча в Северном Причерноморье возникла на базе цветной металлургии лесостепных племен срубного времени; овладение и открытие способа железодобычи на территории Восточной Европы состоялось значительно раньше выхода киммерийцев на историческую арену; археологические свидетельства самого древнего железодобывающего производства локализуются в лесостепной и лесной зонах, тогда как в степной зоне местное производство железа к началу греческой колонизации отсутствовало (оно появляется лишь в IV в. до н.э. на скифском Каменском городище, исследованном Б. Граковым (Граков 1954, 118); ранние находки железных изделий в степи, которые датируются белозерским этапом срубной культуры эпохи поздней бронзы, могли быть импортированными или изготовленными из привозного металла С.В. Паньков объясняет это тем, что: во-первых, в

степной части Украины в течении эпохи бронзы не было опыта добывания ни цветного, ни черного металла из руды, поскольку местные металлурги пользовались привозным готовым металлом из Кавказа и Приуралья; во-вторых, местные руды в пределах Большого Криворожского Бассейна характеризуются тяжёлоплавкостью и находятся на значительных глубинах, что требовало развитого горного дела и технологии железодобычи, каких здесь не могло быть. Соответственно, следует вывод, что металлурги степи работали исключительно на привозном металле, который могли получать из лесостепной территории, а в лесостепной территории Восточной Европы (в том числе и на территории юга европейской части России и Украины) железодобыча возникла самостоятельно на базе местной цветной металлургии срубных племен независимо от переднеазиатского региона. Этому, по мнению археологов, способствовали как физико-географические условия (значительные залежи легкодоступной и легкоплавкой болотной руды, древесного угля), так и кризис бронзолитейного производства в конце эпохи бронзы, что способствовало возобновлению широкого использования орудий из кремня, камня и кости (Шрамко 1965, 219-220; Шрамко, Фомин, Солнцев 1977, 57-74; Граков 1954, 118; Паньков 1985, 1-13; Паньков 1991, 11-20; Паньков 1994, 48-60). Отсюда С.В. Паньков делает вывод, что заслуга киммерийцев в развитии черной металлургии заключается не в открытии железодобычи, а в качественном улучшении технологии обработки привозного железа, создании конкурентоспособного материала – стали, который качественно превосходил камень, кремень, кость, рог и бронзу, а знакомство населения Восточной Европы с образцами изделий киммерийских кузнецов стимулировало восточноевропейскую металлургию железа, сырьевая база которой была значительно шире, чем база медно-бронзовой индустрии, что определило замену бронзы железом и процесс перехода до эпохи железа, который завершился лишь в скифское время с формированием скифской культуры. В то же время С.В. Паньков отмечает, что у киммерийцев развитие железообработки стимулировали сохраненные связи с металлодобывающими комплексами лесостепи и Северного Кавказа (Паньков 1991, 16).

Таким образом, названная группа археологов склонна признать у киммерийцев наличие технологий развитой железообработки, но не возникновение железнорудной добычи.

Приведённые С.В. Паньковым и другими археологами аргументы против первенства киммерийцев в освоении металлургии железа в Восточной Европе представляются недостаточно убедительными по нескольким причинам: 1) в степной части в эпоху бронзы, как было показано выше, всё же развивалось горное дело, с дальнейшей доставкой обогащенной руды непосредственным потребителям руды и металла, что способствовало возникновению среди населения степи соответствующих навыков; 2) железо, как отмечал С.И. Татаринев, могло изготавливаться в незначительном количестве на медноплавильных мастерских степи, что могло не отразиться в археологических материалах (Татаринев 2003, 202-203); 3) опыт железопроизводства в Передней Азии показывает отсутствие прямого совпадения значительных масштабов железопроизводства, вариативности изделий из железа, представленных письменными источниками, с результатами археологических исследований (Гиоргадзе 1988); 4) киммерийские памятники принято отождествлять с белозерским этапом срубной культуры, на памятниках которой и были впервые выявлены не только железные изделия, но и следы железопроизводства; 5) А. Лесков считает, что население белозерского этапа принимало определенное участие в становлении белогрудовской и чернолеской культур лесостепи; 6) в конечном итоге, А. Тереножкин, А. Лесков и ряд других археологов считают, что киммерийцы осуществляли походы в Переднюю Азию значительно раньше времени появления их на исторической арене под собственным именем.

Какая бы из приведенных двух позиций не была бы правильной, для нас важным является то, что ираноязычные киммерийцы поддерживали тесные связи и с Кавказом, и с Передней Азией (Виноградов, Дударев, Рунич 1980, 184-199), которые опередили Северное Причерноморье в освоении технологии сыродутного добывания железа и изготовления стали, и именно с киммерийцами связано начало массового распространения знаний черной металлообработки в Восточной Европе.

Не вызывает сомнений тезис о том, что окончательное вытеснение бронзы железом у населения Восточной Европы состоялось в скифское время, в период формирования единой скифской культуры (Паньков 1991, 16), сердцевину материальной культуры которой составляла, так называемая скифская триада (преимущественно продукция металлопроизводства): оружие, конская сбруя и предметы искусства. От себя прибавим, что формирование единой скифской культуры в пределах южной части Восточной Европы сопровождалось определенной унификацией в пределах ее функционирования, (включая территорию лесостепи), знаний и форм материальной культуры, к которым стоит отнести и металлургические, вместе с их духовной составляющей. При этом исследователи скифского периода раннего железного века свидетельствуют о наличии тесных разноплановых связей скифов с Кавказом и Ближним Востоком уже на раннем этапе становления скифской культуры (Воронов 1980, 200-218; Техов 1980, 219-257; Ильинская 1983, 55-56), что может, в определенной мере, рассматриваться как продолжение уже существующей традиции, которая не исчезла и позже, в сарматский период.

Таким образом, по нашему мнению, в начале раннего железного века доминирующую роль в распространении знаний железообработки (возможно и железнорудной) в Восточной Европе сыграли степные ираноязычные кочевые племена, которые поддерживали контакты с более древней и развитой традицией черной металлургии Кавказа и Малой Азии.

В то же время, отмечает С.В. Паньков, в течение раннего железного века на территории Украины, особенно в лесостепи, формируется своя традиция черной металлургии, которая уже существовала вплоть до XIV-XV ст. н.э., то есть до времени этнографического периода в истории Украины, хотя в ее развитии время от времени наблюдались колебательные движения. Со скифского времени металлургия и металлообработка железа становятся ведущими отраслями ремесленного производства, они стимулируют усложнение хозяйственной структуры общества, которое проявилось в второй половине I тыс. до н.э. в упрочении территориальной специализации (лесостепные племена поставляли железо, а степные

его потребляли) и, соответственно, начала складывания общего экономического рынка, который объединял разноэтничные племена, проживавшие в разных физико-географических зонах, и нивелировал их культурные особенности. А следовательно, считает исследователь, именно металлургия железа была одним из важнейших звеньев, связавшим степные и лесостепные восточноевропейские племена скифского времени. Эта связь населения двух географических регионов Украины прослеживается, по его мнению, и позже, уже во время существования племен зарубинецкой и черняховской культур.

Кризис и распад Большой Скифии в результате вторжения сарматов, привели к изменениям в культурном облике лесостепных племен, но не подорвали потенциал восточноевропейской черной металлургии, не изменили уже существующего географического распределения металлургии и металлообработки между лесостепью и степью. С.В. Паньков считает, что зарубинецкие, а позже и черняховские племена организовали товарное производство железа, которым обеспечивали не только кочевников степи, но и античные колонии Причерноморья. Стимулом для этого послужило формирование провинциально-римской экономической и политической системы, которая была потребителем «варварского» железа и соответственно стимулировала его производство. Вместе с этим наблюдается практически полное отсутствие железодельного производства на черняховских памятниках степи, что позволяет С.В. Панькову утверждать, что во второй четверти I тыс. н.э. экономические связи основанные, в частности, на торговле оружием или обмене железа и железных изделий между населением двух географических зон, возобновились, и сформировались условия для формирования внутреннего экономического рынка – и, по нашему мнению, и единого информационно-культурного пространства.

В то же время, в технологии железодобычи, особенно в западных регионах Украины, прослеживается влияние средневропейской металлургической традиции, которая усложняет картину распространения металлургических знаний в Восточной Европе.

В середине I тысячелетия «большое переселение народов» повлекло очередной общий

этнокультурный кризис в регионе, в результате которого были прерваны торговые и информационные связи, что неминуемо повлекло некоторый упадок производства железа. Опять наблюдается исчезновение центров его товарного производства, а в степи и лесостепи существуют две – технологически и организационно – автономные металлургические традиции: в лесостепи – славянская, связанная с памятниками пеньковской, колочинской (V-VII ст.), волинцевской, роменской культур (VI-VIII ст. и X ст.), а в степи – салтово-маяцкая (VI-X ст.), соотносящаяся с аланами и болгарями. Оба этноса, как известно, исторически связаны также с Кавказом.

Возникновение раннефеодального государства восточных славян, высокий уровень их социально-экономического, политического и культурного потенциала вновь создали благоприятные предпосылки для развития черной металлургии и ее упадок был преодолен в конце VIII - начале IX в., показателем чего стало появление больших железодельных центров с товарным производством металла.

Говоря об истории становления черной металлургии, отраженной в археологических памятниках, С. В. Паньков затрагивает также вопрос и о социальной основе организации железопроизводства и металлургии. Он приходит к выводу, что в древнерусское время (X-XIII в.) черное металлургическое производство определялось высокой специализацией, что способствовало отделению в самостоятельные отрасли производства рудодобычи, выжигания угля, металлодобычи, и металлообработки, и сосредоточению их в городах и на городищах. Все это позволяет исследователю отрицать неотделенность черной металлургии от земледелия в южнорусских княжествах домонгольского периода, а следовательно, отрицать и ее принадлежность преимущественно, к сельским промыслам, сохранение ею общинного характера. В то же время, в предыдущие периоды, начиная от киммерийско-скифской эпохи, за исключением нескольких центров товарного производства железа зарубинецко-черняховского периода, производство железа и кузнечество могли носить общинный характер, а, следовательно, определенным образом иметь связь с земледелием. В то же время, от самого начала своего возникновения оно уже не имело характера промысла.

В целом С.В. Паньков делает вывод, что начиная с момента овладения сыродутным способом железодобычи к середине XIII в. чёрная металлургия в Восточной Европе прошла длительный путь развития, совершенствуясь как технологически, так и организационно. Её достижения совпадали, сопровождали, а иногда и обуславливали значительные сдвиги в социально-экономической и культурной жизни местного населения (Паньков 1994, 56-57).

К сожалению, автор не рассматривает в своих работах вопроса о характере и формах распространения знаний в отрасли черной металлургии в течении исследуемого им периода, поэтому придётся выразить предположение, что и во время раннего железного века, и раннего средневековья они существенно не отличались от способов передачи подобных знаний в течении энеолита – бронзы, то есть распространялись также самими мастерами, а не только благодаря импортам изделий.

Этот тезис опосредовано подтверждается и достижениями археологов в области межкультурных связей славян и скандинавов в эпоху средневековья. Немецкие авторы монографического исследования «Славяне и скандинавы» отмечают, что созданию значительных зон с похожей материальной культурой способствовал не только значительный межэтнический товарообмен, но и не менее сильное влияние путешествующих ремесленников, среди которых главное место занимали кузнецы. В иноэтническую среду они попадали различными путями: в качестве пленных, вместе с купцами и, в конечном итоге, среди состава малого двора невест, которые переезжали в другую страну для брака (Славяне 1986, 118-122).

Таким образом, можно констатировать, что историографический обзор результатов археологических исследований сводится к следующему: знакомство человечества с самородными металлами, в том числе и космического происхождения, состоялось еще в мезолите; в начале освоения металла технология его обработки (холодная ковка) подражала технологии обработки камня; металлургические знания попадают на территорию Украины в энеолите в готовом виде вместе с переселенцами с Балкан, которые продолжали металлургические традиции Малой Азии; в течение эпохи

энеолита-бронзы в Северном Причерноморье металлургические знания получали с Кавказа, Балкан и непосредственно из ближневосточного региона при участии групп путешествующих металлургов, переселенцев и военных отрядов; постепенно в Северном Причерноморье формируются свои очаги металлургии с полным и неполным технологическим циклом, положившие начало местной самобытной металлургической традиции, которая на которую по-прежнему оказывали влияние традиционные южные металлургические области; черная металлургия и кузнечество зарождается на базе местной металлургии меди, о чем свидетельствуют многопрофильные мастерские, но не без влияний переднеазиатской и кавказской металлургической традиции, которые распространялись через посредничество степных кочевников раннего железного века; на протяжении всего периода энеолита – бронзы медно-бронзовые изделия не смогли вытеснить на юге Восточной Европы каменную индустрию орудий и оружия, что сближало металлические и каменные орудия и оружие функционально; в конце эпохи бронзы происходит определённая реанимация масштабов каменной индустрии, что фактически приводит в начале раннего железного века к замене каменной индустрии черной металлургией; последнее указывает на существование периода, когда сосуществовали функционально близкие между собой каменные и железные изделия; металлургические знания в эпоху раннего железного века, так же как и в эпоху энеолита-бронзы, распространялись непосредственно самими металлургами и кузнецами, а не только через импорт металла и изделий; постепенно формируется своя местная традиция черной металлургии с географическим разделением труда между степью и лесостепью, между античными колониями и соседним «варварским» миром, что обеспечивало не только тесные экономические, но и информационные связи; эта традиция существует и развивается вплоть до древнерусских времен включительно; с самого начала железопроизводство не носило характера сельского промысла, но было тесно связано с жизнью сельской общины, подчиненное ее потребностям, в частности, и в сфере земледелия; окончательно железопроизводство и кузнечество приобретают признаки ремесла направленно-

го на товарное производство лишь в древнерусское время.

Все это позволяет наметить направления поиска путей формирования символики железа в восточнославянских традиционных культурах. Это касается символического сопоставления железа с камнем и другими металлами, обусловленного общностью технологий изготовления и функционирования изделий из этих материалов; использование железных изделий в обрядах календарного цикла, подчиненного земледельческим работам, а также наметить географические пределы поиска этнографических параллелей символики железа славян, в первую очередь, в пределах ближневосточно-средиземноморского региона, Кавказа и Балкан; наметить относительную хронологию появления тех или других символических значений железа у восточнославянских народов, которые нашли свое отражение в фольклоре.

К сожалению, на советском и постсоветском пространстве лишь Е.Н. Черных в ряде своих работ касался проблемы символики палеометалла (Черных 1982; Черных 1991). В статьях, посвященных проблеме символики древнего металла, он не предлагает конкретной интерпретации символического значения тех или других металлов или изделий из них. Исследователь, скорее, создаёт методологические принципы решения данной проблематики, обращая внимание на то, что символика в жизни как древних, так и современных обществ занимает настолько существенное место, что не обращать на нее внимание просто невозможно, поскольку это, как правило, приводит к заметному искривлению исторической перспективы. Кроме того, он отмечает, что любое человеческое общество обеспечивает свое физическое существование и потенциал по созданию собственной культуры благодаря затратам общественной энергии, которые идут по трем основным направлениям: 1) обеспечение витального и физического уровня бытия культуры; 2) символической деятельности и, наконец, базового для первых двух; 3) организации самой культуры. Эта система, считает автор, обеспечивает также распределение частей общественной энергии по двум основным сферам – витальной и символической. Сильные искривления в этих

сферах могут иметь фатальные последствия в судьбах культур, в частности, символическая сфера могла буквально «пожирать» другие, высасывая все соки из других каналов общественной энергии, обескровить их. Тогда базовые структуры общества деформировались, и его культура разрушалась.

Граница между обоими, упомянутыми сферами, по мнению Е. Черных, достаточно условна, поскольку они не только противостоят друг другу, но и связаны между собой, что усложняет оценку целевой направленности тех или других видов деятельности, в том числе и металлургической. Поэтому критерием подобных оценок автор считает конечный продукт производства и пропорциональную часть затрат из общего баланса общественной энергии, тратящейся на его изготовление. Соответственно, исследователь приходит к ряду важных выводов: символическая значимость того или другого металла определяется масштабами трудозатрат на его изготовление, которое нашло свое отражение в стоимости древних металлов; абсолютное преобладание среди найденных в пределах Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) украшений и оружия над орудиями (3/4) безусловно говорит об их отнесении к разряду символических. Отсюда отбрасывается принятый в исторической науке тезис об исключительно утилитарной направленности древней металлургии и металлообработки, поскольку статистические данные показывают, что общественная энергия населения ЦМП направлялась преимущественно для наполнения так называемой символической сферы; подавляющая же часть металла из южных металлургических областей ЦМП экспортировалась на север в степную часть Северного Причерноморья лишь с целью сопровождения покойников в загробный мир, то есть для обеспечения всё той же символической сферы, о чем убедительно свидетельствуют подкурганские находки металла. В конечном итоге, индустрия палеометалла была чрезвычайно сложной системой далеких взаимосвязей разных народов, что отображала по существу систему международного разделения труда и обслуживала символическую, иррациональную сферу общественного бытия разнообразных культур древности (Черных 1991, 164-165).

Таким образом, рассматривая символику древнего металла, нужно иметь в виду, во-первых, что древняя металлургия, которая сформировалась в рамках традиционного общества с доминированием мифологического и религиозного мировоззрения, в течение всего своего существования преследовала не только прагматичные производственные цели, но и была подчинена иррациональным религиозно-сим-

волическим задачам, которые начали терять свою актуальность сравнительно недавно, с утверждением капиталистического рыночного производства, а во-вторых, что процесс формирования комплекса символических значений металла, который фиксируется этнологами, был чрезвычайно пролонгированным во времени и возникал при участии носителей иноэтнических символических традиций.

Библиография

- Березанская 1980:** С.С. Березанская, Первые мастера металлурги на территории Украины. В сб.: Первобытная археология. Поиски и находки (Киев 1980), 248-256.
- Березанская и др. 1994:** С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко, Ремесло эпохи энеолита - бронзы на Украине (Киев 1994).
- Бровендер 2003:** Ю.М. Бровендер, Картамышский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы (некоторые итоги исследований). В: Доповіді II-го міжнародного Картамышського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 22-35.
- Бровендер, Гайко, Шубин 2003:** Ю.М. Бровендер, Г.І. Гайко, Ю.П. Шубін, Геологічні та технологічні особливості розробки мідних руд в стародавніх копальнях Карта миша. В: Доповіді II-го міжнародного Картамышського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 35- 39.
- Виноградов, Дударев, Рунич 1980:** В.Б. Виноградов, Л.С. Дударев, А.П. Рунич, Киммерийско-кавказские связи. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 184-199.
- Воронов 1980:** Ю.Н. Воронов, О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 200-218.
- Гиоргадзе 1988:** Г.Г. Гиоргадзе, Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хетских клинописных текстов. В сб.: (Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзимба) Древний Восток: Этнокультурные связи (Москва 1988), 176-194.
- Городцов 1928:** В.А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре. В: Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, ч. 2 (Москва 1928), 46-60.
- Граков 1954:** Б.Н. Граков, Каменское гордище на Днепре. Материалы и исследования по археологии СССР 36, 1954, 118.
- Иессен 1935:** А.А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия Российской Академии истории материальной культуры 120, 1935.
- Иессен 1947:** А.А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья (Ленинград 1947).
- Иессен 1951:** А.А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. Материалы и исследования по археологии СССР 23, 1951.
- Ильинская 1983:** В.А. Ильинская, Скифы и Кавказ (тезисы доклада). Археологический сборник. Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры 23, 1983, 55-56.
- Клейн 1962:** Л.С. Клейн, Краткое обоснование гипотезы о происхождении катакомбной культуры. Вестник ЛГУ 2, 1962, 74-87.
- Клочко 1990:** В.І. Клочко, «Народи моря» та Північне Причорномор`я. Археологія 1, 1990, 10-17.
- Лесков 1967:** А.М. Лесков, О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В сб.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР (Киев 1967), 143-179.
- Молодин, Пряхин 2003:** В.И. Молодин, А.Д. Пряхин, К выделению производственных зон эпохи бронзы на пространствах Евразийской степи и лесостепи. В: Доповіді II-го міжнародного Картамышського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 112-116.
- Нечитайло 1978:** А.Л. Нечитайло, Контакты населения Украины и северного Кавказа в эпоху энеолита - ранней бронзы. В сб.: Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1978), 16-26.
- Нечитайло 1992:** А.Л. Нечитайло, Особливості впливу металовиробництва Кавказу на Північне Причорномор`я доби середньої бронзи. Археологія 2, 1992, 22-29.

- Отрощенко, Тупчієнко 2003:** В.В. Отрощенко, М.П. Тупчієнко, Проблема бронзових казанів і Донецький гірничо-металургійний центр. В: Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 116-124.
- Паньков 1985:** С.В. Паньков, Питання походження чорної металургії у Східній Європі. Археологія 49, 1985, 1-13.
- Паньков 1991:** С.В. Паньков, Металургія заліза у Східній Європі I тис. до н.е. Археологія 1, 1991, 11-20.
- Паньков 1994:** С.В. Паньков, Стародавня чорна металургія на території південного заходу Східної Європи (до концепції розвитку). Археологія 4, 1994, 48-60.
- Пустовалов 1993:** С.Ж. Пустовалов, Деякі близькосхідні елементи в ідеології катакомбного населення Північного Причорномор'я. Археологія 1, 1993, 24-33.
- Рындина 1971:** Н.В. Рындина, Древнейшие металлообрабатывающее производство Восточной Европы (Москва 1971).
- Рындина 1980:** Н.В. Рындина, Металл в культурах шнуровой керамики Украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни. СА 3, 1980, 24-41.
- Рындина 1998:** Н.В. Рындина, Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (Москва 1998).
- Сайко, Терехова 1981:** Э.В. Сайко, Н.Н. Терехова, Становление керамического и металлообрабатывающего производства. В сб.: Становление производства в эпоху энеолита и бронзы (Москва 1981), 78.
- Славяне 1986:** Славяне и скандинавы: Пер. с нем. (общ. ред. Е.А. Мельниковой) (Москва 1986).
- Татаринов 1980:** С.И. Татаринов, Железоплавильный горн бондарихенской культуры на р. Донец. СА 3, 1980.
- Татаринов 2003:** С.И. Татаринов, Минерально-сырьевая база Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы в Восточной Украине. В: Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 196-205.
- Тереножкин 1976:** А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).
- Техов 1980:** Б.В. Техов, Скифы и материальная культура центрального Кавказа в VII-VI вв. до н.э. (по материалам тлийского могильника). В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 219-257.
- Шрамко 1965:** Б.А. Шрамко, Появление и освоение железа в Восточной Европе. В: Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР, вып. 4 (Москва 1965), 219-220.
- Шрамко, Фомин, Солнцев 1977:** Б.А. Шрамко, Л.Д. Фомин, Л.А. Солнцев, Начальный этап обработки железа в Восточной Европе. Скифский период. СА 1, 1977, 57-74.
- Черных 1966:** Е.Н. Черных, История древнейшей металлургии Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии СССР 88, 1966, 228.
- Черных 1976:** Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на юго-западе СССР. Материалы и исследования по археологии СССР 1, 1976, 225.
- Черных 1978a:** Е.Н. Черных, Горное дело и металлообработка в древней Болгарии (София 1978).
- Черных 1978b:** Е.Н. Черных, Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. СА 4, 1978, 162-166.
- Черных 1982:** Е.Н. Черных, Отражение рационального и иррационального в археологической культуре. СА 4, 1982, 6-20.
- Черных 1987:** Е.Н. Черных, Культурные контакты в циркумпонтийской области. В сб.: Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии (Тбилиси 1987), 98-108.
- Черных 1991:** Е.Н. Черных, Древний металл и символы. СА 1, 1991, 163-169.
- Черных 2002:** Е.Н. Черных, Каргалы: феномен, парадоксы и модель функционирования. В: Материалы симпозиума: Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс (Москва 2002), 85.
- Черных 2003:** Л.А. Черных, О возможности использования медно-рудных источников Донбасса в период энеолита, ранней и средней бронзы. В: Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 213-222.
- Naro 1930:** G. Naro, Die Schachtgeber von Miken (Berlin 1930).

În căutarea geografiei și căilor de formare a simbolisticii mito-ritualice a fierului la populația din nordul Mării Negre după datele arheologice

Cuvinte-cheie: metal antic, cupru, bronz, fier, simbolistică, tehnologii, cunoștințe, mit, ritual.

Rezumat: În articol, pe baza studierii artefactelor arheologice ale metalurgiei fierului și ale metalelor colorate de pe teritoriul Ucrainei, atribuite perioadei dintre epoca bronzului și Evul Mediu, este analizată perspectiva căutării unor posibile căi de formare a aspectelor mito-ritualice a simbolisticii fierului în cultura slavilor de răsărit. Este concentrată atenția la mecanismele de transmitere a cunoștințelor din domeniul metalurgiei și, îndeosebi, la importanța prezenței purtătorilor acestor tradiții în mediul alogen. Este întreprinsă încercarea de a determina geografia și căile de răspândire a cunoștințelor metalurgice și a semnificației simbolice a fierului în mediul slavilor de răsărit și al strămoșilor lor.

Research of the geography and ways of formation of mythological and ritual symbolism of the iron at the population of the Northern Black Sea coast according to archaeological data

Keywords: ancient metal, copper, bronze, iron, symbolism, technologies, knowledge, myth, ritual.

Abstract: Based on archaeological evidence about ancient nonferrous and ferrous metallurgy, from the Bronze Age to the Middle Ages, the author discusses perspectives in search of possible ways of forming of mythological and sacral aspects of iron symbolism in traditional culture of the Eastern Slavs. The focus is concentrated on the mechanisms of the transmission of metallurgical knowledge, and especially on a role of carriers of this knowledge in other ethnic environment, as well as on special methodological aspects of reconstruction of symbolic meaning of metal in archaeological finds. Also, an attempt has been made to define the area geographic area and ways of distribution of metallurgical knowledge and symbolic meaning of iron among the Eastern Slavs and their ancestor.

10.02.2016

Др. Николай Тупчиенко, Кировоградский национальный технический университет, пер. Спускной 30, г. Кировоград, 250015, Украина, e-mail: tupchy_mp@ukr.net